Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов III (XVII)
Международной конференции молодых ученых
(18—23 апреля 2016 г.)

Выпуск 17

Издательство Томского университета
2016

2. *Когут С. В.* Дискурсивные маркеры в русскоязычных и немецкоязычных геологических научных статьях // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 380. — С. 18—23.
3. *Резанова З. И., Когут С. В.* Функционирование дискурсивных маркеров в научном тексте: этнокультурные и дискурсивные детерминации // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. — 2016. — № 1 (39). — С. 62—79.

Огородникова Ю. С.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СИМВОЛА В РАССКАЗЕ Л. УЛИЦКОЙ «КАПУСТНОЕ ЧУДО»

В статье выявляются речевые средства и модели формальной репрезентации амбивалентной семантики художественного образа «капусты» как символа жизни в рассказе Л. Улицкой «Капустное чудо» из цикла «Детство сорок девять».

Ключевые слова: символ, Л. Улицкая, амбивалентность.

Творчество современного российского прозаика Л. Улицкой в последние годы привлекло большое внимание литературоведов и лингвистов. Одним из вопросов, интересующих исследователей, является проблема описания поэтической системы автора. По словам С. А. Григорь, для прозы Л. Улицкой характерно соединение в повествовании нескольких смысловых и стилеобразующих пластов, что и обусловливает интерес к ней как у массового, так и у элитарного читателя, каждый из которых получает «возможность (и право) открывать в текстах писателя ровно тот пласт повествования, который данному конкретному читателю предназначен»[1].

Целью данного исследования стало выявление смысловых пластов в рассказе Л. Улицкой «Капустное чудо» из цикла рассказов «Детство сорок девять»[2] и определение роли лексических средств в экспликации данных смыслов.

Название цикла «Детство сорок девять» задает читателю временные рамки, внутри которых будет развиваться повествование: это детство как один из периодов человеческой жизни и сорок девять — год из отрезка послевоенного времени. Таким образом, уже в названии происходит наслоение двух времен — человеческого и исторического, а также конфликт двух времен: априори самого счастливого и беззаботного периода в жизни человека и одного из самых трудных в истории нашей страны в XX веке. Название провоцирует определенные ожидания читателя от текста: очевидно, в цикле рассказов будет идти речь

о непростой судьбе детей в тяжелое послевоенное время. С таким знанием об эпохе мы открываем первый рассказ цикла — «Капустное чудо».

По сюжету двух сестер-сирот из деревни привозят к их дальней родственнице, старухе Ипатьевой, в город. Старуха не сразу решает, оставить девочек у себя или отправить в детский дом, дети тем временем помогают ей по хозяйству, в частности, отправляются к ларьку за капустой. Они выстаивают там длинную очередь, но, потеряв по дороге к ларьку деньги, идут домой ни с чем. На обратном пути из проезжающего мимо грузовика под ноги сестрам выпадают два кочана. Таким образом, происходит настоящее чудо, и сестренки с капустой возвращаются к старухе, которая с отчаянием ждет девочек.

Метод пристального (аналитического) чтения позволил обнаружить, что в рассказе «Капустное чудо», описывающем бытовое событие, возникает второй — символический — смысловой план. На это изначально настраивает и место рассказа в структуре цикла, и использование в его заглавии лексемы с символическим значением.

В семиотическом аспекте символ (от греч. symbol — знак, от symballo — соединять), представляет собой сложный знак, значение которого служит формой для другого, более абстрактного значения, причем оба значения объединены общим означающим и равноправны, что, по мнению исследователей, отличает символ от тропов, в которых вторичное значение доминирует над первичным[3]. Цель объединения значений в символе — взаимное выражение друг друга (по образному выражению А. Ф. Лосева, «символ — встреча двух планов бытия»[4]). Наличие абстрактного символического содержания в символе должно эксплицироваться контекстом. Так, в рассказе «Капустное чудо» означающее «капуста» одновременно соотносится с двумя означаемыми: с образом реальных объектов — кочанов капусты, и с известным символом начала жизни, появления ребенка на свет.

Капуста, впервые упомянутая в названии рассказа, появляется в тексте почти сразу — во втором его предложении. При этом ожидание капусты (в очереди девочки проводят весь день) символически соотносится с ожиданием новой жизни. Дальнейшее разворачивание символического плана происходит, когда читатель узнает, что девочки жили у старухи Ипатьевой «почти год»: почти год длится человеческая беременность. Поясняя необходимость отправляться за покупкой капусты, Л. Улицкая пишет: «Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело...» — что позволяет ассоциативно соотнести образ Ипатьевой с образом отяжелевшей женщины накануне родов. В начале рассказа мы узнаем, что Ипатьева «оставила их

<девочек> у себя, но без большой радости», при этом она «думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом». Но уже через неделю их совместного проживания Ипатьева решает: «Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали». Недосказанность фразы «пусть живут» (в контексте развития сюжета, конечно, имеется в виду «пусть живут у меня») может навести читателя на мысли о ее ассоциативном подтексте. В следующем предложении автор пишет: «...жизнь их решилась». «Пусть живут», «жизнь решилась» — это не только буквальное разрешение жить в этом доме, но и право на жизнь вообще.

С одной стороны, у девочек начинается новая жизнь в городе, новая жизнь в другой семье, мирная жизнь после войны, с другой стороны, размышления старухи Ипатьевой отражают муки тяжелого выбора многих женщин в условиях трудного послевоенного времени: давать ли детям жизнь, обрекая тем самым их и всех членов семьи на полуголодное существование, так как во многих семьях рождение ребенка было равнозначно появлению «лишнего рта». Так символ жизни осложняется в рассказе особыми, дополнительными коннотациями.

Эта внутренняя противоречивость известного символа жизни, проявленная благодаря актуализации контекста конкретной исторической эпохи, прослеживается на протяжении всего текста рассказа на разных его уровнях. Колебания между решениями дать ребенку жизнь или нет, мучительное ожидание права на жизнь и чудо рождения — именно эти мотивы являются главными в рассказе.

Кульминацией сюжета становится сцена, когда происходит чудо, и из попавшегося навстречу девочкам грузовика выпадает два кочана капусты. Можно провести аналогию между грузовиком и беременной женщиной: как ношей беременной является ее ребенок, так ношей, грузом машины является капуста: Л. Улицкая создает образ машины, не только функционально, но и внешне похожий на беременную женщину: «...высоко вздыбившаяся над бортом капуста». Ребенок беременной женщины — это сокровище, драгоценность, капуста в кузове также аналогична драгоценности — от нее исходит сияние. Перед читателем возникает символический образ роженицы (недаром в этом отрывке один раз употребляется слово «грузовик» и трижды — «машина» — слово женского рода). В результате машина «рожает», «сбросив к их <девочек> ногам два огромных кочана», и происходит появление новой жизни — девочки получают капусту как входной билет в новую жизнь.

Символом тяжести жизни, житейских невзгод является крест, который люди несут на плечах. В рассказе девочки пытаются взвалить

мешок с капустой на плечи: «Дуся не могла взвалить на плечи мешок — был слишком тяжел <...> и они поволокли его...». Так в рассказе появляется еще одна аналогия, позволяющая нам проинтерпретировать образ капусты как символ самой жизни.

Таким образом, образ капусты как символа жизни является ключевым в рассказе, но, как и в тексте, он «распался надвое». Используя историю появления у городской старухи сирот из деревни, их нетривиального похода за капустой, Л. Улицкая рассказывает читателю о непростой ситуации, сложившейся в послевоенные годы: с одной стороны, конец войны означал торжество жизни над смертью, необходимость и неизбежность появления нового поколения детей, не видевших войны. С другой стороны, тяготы жизни, даже мирной, не позволяли всем женщинам беспечно радоваться материнству.

Проведенный анализ показал, что символический подтекст моделируется в рассказе благодаря использованию лексем и высказываний, эксплицирующих семантику беременности и родов, а также выстраиванию ряда функциональных аналогий: тяжесть и драгоценность ноши (кочанов капусты / детей / креста на плечах / жизни); томительное ожидание и чудесное обретение (кочанов капусты / потерявшихся девочек / новой жизни).

Примечания

1. *Григорь С. А.* Повествовательные стратегии в прозе Л. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.А, Григорь.— Саратов, 2012. — С. 6.
2. *Улицкая Л.* Капустное чудо / Л. Улицкая. Детство сорок девять: Рассказы.— М.: АСТ, 2014. — С. 7–17.
3. *Шелестюк Е. В.* О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. — М.: Наука, 1997. — № 4 // https://www.academia.edu/5630689/О_лингвистическом_исследовании_символа
4. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. — М., 1994. — С. 40.

Попова С. А.

СЦЕНАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕНТАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ «НАСМЕШКА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ АНГЛИЙСКОЙ)

В статье формулируются основные когнитивные признаки ментального сценария «Насмешка» в русской языковой картине мира в сопоставлении с английской. Выявляются базовые компоненты сценария «На-